ПОНЯТИЯ, КАТЕГОРИИ, МЕТОДИКИ АНАЛИЗА В МЕДИАСТИЛИСТИКЕ И МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81-22

Два регистра актуальной политической речи в современном болгарском медийном дискурсе

А. Ефтимова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского,
Болгария, 1000, София, ул. Московска, 49

Для цитирования: Ефтимова, А. (2018). Два регистра актуальной политической речи в современном болгарском медийном дискурсе. *Медиалингвистика*, 5(2), 233–243. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.207>

Медийная речь ярче всего отражает проблемы функционирования языка и процессы, протекающие в речевой практике. Поэтому через ее призму часто исследуется речь политиков, которая находится в прямой зависимости от основных тенденций речевой практики — интеллектуализации и демократизации речи. Для описания двух стилей политического говорения в статье вводятся два терминологических словосочетания — «брюссельский новогovor» и «популистское говорение». Брюссельский новояз, соответствующий процессу интеллектуализации, — один из стилей современной болгарской политической коммуникации. Ярким выражением процесса демократизации речи является популистский политический дискурс. Выявляются основные характеристики этих стилей. На конкуренции между обоими стилями политического говорения жидется хрупкое равновесие в политическом пространстве. В поле медиа ведется борьба между участниками конфликта за то, чтобы заставить людей думать в координатной системе их понятий, пониманий и ценностей. Эти стили разделяют и расшатывают общественное мнение по отношению к речевому и неречевому поведению политических субъектов и являются серьезным вызовом журналистам, которые ежедневно должны делать выбор относительно того, отражать ли аутентичную политическую речь или соблюдать этические журналистические стандарты и искать правду.

Ключевые слова: канцеляризм, популизм, политическая речь, медийная речь.

Постановка проблемы. Проблемные стороны функционирования языка, процессы, происходящие в речевой практике общества, находят наиболее яркое отражение в языке и речевой практике СМИ. Вот почему именно через призму медиа

часто рассматривается речь политиков, непосредственно связанная с основными процессами, которые мы наблюдаем в речевой практике современности, — интеллектуализация речи и одновременно ее демократизация. Процессы кажутся несовместимыми, однако происходят в одно и то же время, меняя степень своей интенсивности.

История вопроса. Интеллектуализация речи разной степени интенсивности происходит в немногочисленных, четко определенных социальных сферах, таких как профессиональное и экспертное общение, обмен научными знаниями и т. д.

Процесс характеризуется стандартизацией языковых ресурсов, что выражается главным образом в высокой повторяемости шаблонных слов и фраз, строгом следовании международной лексике, в частности терминологии, преимущественном использовании сложных предложений. Процесс интеллектуализации демонстрирует *брюссельский новояз* — один из стилей сегодняшней болгарской политической коммуникации.

Однако в современной болгарской культурной среде наблюдается и процесс демократизации речи: происходит либерализация лингвистических норм.

По мнению ученых, процесс демократизации может протекать в двух направлениях: в социально-языковом векторе, который обладает антипуристским характером, что отражается в снижении престижности языковой нормы, и национально-языковом векторе, который направлен на ограничение иностранного влияния на язык и расширение в нем исконных структур [Архангельская 2011: 147].

Процесс демократизации выражается в проникновении в речь элементов субстандартных формаций (жаргона, разговорных и вульгарных элементов, диалекта, иностранных слов низкого стиля и т. д.). Эти изменения в речевой практике ведут к детабуизации и дисфемизации, универсализации неформального общения, которым охвачено почти все политическое и медийное пространство, либерализации норм (что приводит к измененному пониманию нормы), снижению языкового вкуса.

Существенным эффектом демократизации речи является коллоквиализация, т. е. повсеместное использование разговорного варианта литературного языка. Включение разговорного языка в публичное общение наблюдалось и в других европейских странах в эпоху становления современного индустриального общества, когда образцом хорошей речи служит не язык писателей, а язык массмедиа, в том числе политиков. Так, в Германии в этот период отмечается более низкая языковая культура — незнание литературных норм и сознательное введение в медиа того варианта немецкого языка, который пришел в газеты из трактиров, с целью привлечения большего числа читателей, увеличения тиража и, соответственно, прибыли [Ницолова 1999: 114].

По мнению О. Спасова, «в языке медиа существует своеобразная “норма” реакции в периоды сотрясений, она активизируется, невзирая на различия в самом характере событий» [Спасов 2000: 66–67]. Такой реакцией в периоды общественных потрясений является стремление к нарушению языкового стандарта, языковой провокативности и неподчинению традиционным языковым практикам. Эффект «разговорности» — один из наиболее важных аспектов перемен, пишет О. Спасов [Там же: 44]. Этот эффект заметен как в языке политиков, так и в языке массмедиа. «С одной стороны, считается, что СМИ начинают непосредственно воспроизво-

дить разговорный стиль (стиль улицы, интеллигенции, городской язык, разговорность вообще). При этом актуализация разговорности приводит к неожиданным последствиям. Язык улицы «легализирует» и менталитет улицы» [Знеполски 1997: 54]. «Некритическое навязывание разговорности постепенно приводит к варваризации языка» [Спасов 2000: 44].

Некоторые авторы не считают разговорность новых медийных языков подлинной разговорностью. Они придерживаются точки зрения, что разговорность в средствах массовой информации «ненастоящая», это псевдо- или квазиразговорность [Велева 1995: 47]. Авторы этой точки зрения исходят из того, что, переходя в дискурс прессы, разговорные структуры «теряют некоторые свои основные смысловые компоненты и приобретают другие», вместо действительной разговорности пресса производит «аллюзии на разговорность», которые позволяют читателю быть ближе к ощущению непосредственного общения [Велева 1995: 48]. Отсюда следует и универсализация неформального общения, что выражается в использовании в публичной коммуникации элементов сленга, просторечия, вулгаризмов, неологизмов, диалектизмов, иностранных слов низких стилистических слоев. Неформальное общение захватывает почти все политическое и медийное пространство. Ярким выражением процесса демократизации речи является *популистский политический дискурс*.

Методика исследования. В исследовании использованы методы лингвостилистического и лингвопрагматического анализа. Анализ материала опирается на актуальные теоретические положения медиастилистики, коннотативной стилистики, прагматики, социолингвистики, лексикологии и фразеологии.

Анализ материала. Два типа политического говорения.

1. Брюссельский новогovor. Писатель Дж. Оруэлл верил в то, что язык может вводить и поддерживать политический контроль, и это свое видение он выразил в романе «1984» [Greenblatt 1974]. На основе термина “doublespeak” (который я перевела и как «язык лжи»¹, и как «двойственный язык»), возникшего в результате амальгамы двух выражений Оруэлла из его антиутопии «1984» — “doublethink” и “newspeak”, я вывела терминологическое словосочетание «брюссельский новогovor» с целью обозначить один из стилей политического говорения в Болгарии. У Оруэлла позаимствовала термин «новогovor», чтобы отметить казенный, или бюрократический, язык в современной политике, так как языковые принципы, на основе которых формируется этот политический речевой стиль, одинаковы с принципами формирования существовавшего в эпоху социализма «деревянного языка» (это понятие Ф. Тома переведено у нас как «казенный язык» [Том 1992]) в сфере идеологической пропаганды тоталитарного государства. Несмотря на общие принципы формирования отмеченных речевых стилей, лексическая «начинка» у брюссельского новоговора новая, корректная по отношению ко всем европейским политическим стандартам. Прилагательное «брюссельский» использовано как методическое обозначение связи этого новоговора с европейскими рекомендациями, касающимися политически корректного речевого поведения.

¹ Выбор терминологического словосочетания «язык лжи» основывается на ряде наблюдений со стороны специалистов в сфере политической речи, в том числе профессора по риторике Величко Руменчева [Руменчев 2015].

Я остановилась на анализе терминологического словосочетания «брюссельский новогвор», чтобы оттенить новый «деревянный язык» одного из видов политического говорения. Это терминологическое словосочетание я использовала в онлайн-интервью² и в нескольких радио- и телевизионных интервью³.

Основные особенности брюссельского новояза:

- псевдоинтеллектуализация (*изпадам в интровертност на духа — выпада из интровертности духа; опитвам се да се дозирам — я пытаюсь дозировать себя*);
- обилие слов из международного словаря (*консенсус* вместо *съгласие* — *соглашение*; *конфронтация* вместо *сблъсък* — *конфликт*; *координация* вместо *съгласуване* — *согласование*);
- употребление политически корректных наименований (*уязвимые болгары* вместо *бедные люди*; *люди с когнитивными проблемами* вместо *сумасшедшие*);
- абстрактный словарный запас (*нормалност* — *нормальность*) и др.;
- вставные конструкции (*ако позволите* — *если вы позволите*; *бих акцентирал — я подчеркнул*) и др.;
- группы слов с «диффузной» семантикой (*определен* — *некие*; *някой* — *кто-то*; *известен* — *известные*; *съответно* — *соответственно*; *належащо* — *срочная*) и др.;
- бюрократический жаргон с активным использованием шаблонных слов и фраз и культ секретности профессиональной лексики (*да бъде процедиран проектът — для продолжения проектирования*; *ниска отрицателна доходност — низкая отрицательная доходность*; *пропуски при управлението на риска — пробелы в управлении риском*; *а коя емоция как се среща с информацията и с каква резистентност я отклонява, това не е моя отговорност — а какая эмоция как «сталкивается» с информацией и с какой резистентностью ее отклоняет, это не моя ответственность*) и др.

Профессиолект может превратиться в язык лжи. Секретность профессиональной лексики играет ту же самую роль, какую исполняют эвфемизмы по отношению к табуированным темам и лексемам. Политический профессиолект широко представлен в массмедиа, поставляющих новости для массовой аудитории, которая не знакома со специализированным языком политиков, и сфер, в которых политики работают. Поэтому массмедиа часто становятся транслятором этого двойственно-го языка. Отсутствие вмешательства со стороны редакторов, которое сделало бы

² Интервью «Основных политических стилей сегодня три» в интернет-издании «Любословие — медиа о медиа» (27.02.2014), автор Андрей Велчев. URL: <http://luboslovie.bg/%D0%B4%D0%BE%D1%86-%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B8%D0%BC%D0%B0-%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%B7%D0%B8/>.

³ Интервью «Политический язык» в утренней передаче программы «Хоризонт», БНР (06.05.2013), ведущий Веселина Миланова. Дискуссия «Риторика предвыборной кампании» в «Денят започва с култура» по БНТ (27.05.2014). URL: <http://bnt.bg/part-of-show/retorikata-na-predizbornata-kampaniya-diskusiya-v-denyat-zapochva-s-kultura>; Интервью в радиопередаче «Преди всички» с Веселиной Милановой в программе «Хоризонт», БНР (28.12.2015, 9:30) на тему «И в этом году продолжилась тенденция популистского говорения в речи политиков». URL: <http://bnr.bg/post/100641771/doc-eftimova-i-prez-tazi-godina-prodalji-tendenciata-na-populistko-govorene-v-rechta-na-politците>, <http://www.sbj-bg.eu/index.php?t=29847>.

высказывание политика более ясным, приводит к существенному непониманию обществом отправленных ему посланий.

Двойной язык (язык лжи), основанный на политических эвфемизмах. Б. У. Луц разграничивает эвфемизмы и так называемые *doublespeak* [Lutz 1989]. Когда эвфемизмы используются не для того, чтобы избежать оскорбления чувств кого-либо, или в целях соблюдения социокультурного табу, а для обмана, тогда имеем дело с *doublespeak* (языком лжи). Политические эвфемизмы являются мощным средством для маскировки реальности и манипулирования сознанием получателя информации, что приводит к внедрению в сознание аудитории такого отношения к тем или иным событиям, которое необходимо политику. «Политики аккумулируют эвфемизмы, чтобы скрыть истину, отказавшись от существующих слов, чтобы замаскировать путаницу... Политический язык отмечен запретом и осуждением некоторых слов, и существование серых зон, следовательно, приемлемо» [Karam 2011: 10]. По мнению некоторых исследователей, политические эвфемизмы «являются одним из действенных способов камуфлирования действительности, а также манипулирования сознанием потенциального реципиента с целью создания выгодной для манипуляторов картины происходящих событий» [Кипрская 2005].

Существует и другая интерпретация политических эвфемизмов. В связи с тем, что в них в той или иной степени сохраняется содержание исходной номинации, они оцениваются не как способ умышленного укрытия информации, как ложь, а как способ сохранения собственного лица и самопредставления, как дефенсивный маневр, самосохранение и улучшение самооценки [Ванюшина 2011; Глиос 2007; Бушуева 2005].

Одна из функций эвфемизмов у политиков состоит в том, чтобы умалчиванием и искажением правды сохранять свою самооценку и избегать коммуникативных трудностей. Целью употребления отдельных эвфемизмов становится избежание конфликтных ситуаций, которые привели бы к «взрыву» общественного мнения, эмоциональной реакции и отторжению сообщения.

Ввиду возможности различной интерпретации употребления эвфемизмов в политике мы, принимая у Б. У. Луца деление эвфемизмов на эвфемизмы вообще и эвфемизмы, обслуживающие язык лжи, предлагаем компромиссное решение, а именно: терминологическое сочетание «политические эвфемизмы» считать синонимом *doublespeak* в языке политиков. «Превращение двойственного языка в характеристику политической корректности доказывается “этикетированием” политических эвфемизмов в качестве политически корректных номинаций» [Политическая корректность vs. езыка на омразата в полската медийна среда 2015]. Насколько язык политической корректности обладает функциональной способностью маскировать неприятную правду, настолько двойственный язык (или политический эвфемизм) является его частью.

Эвфемизмы как политический инструмент, обладающий точно рассчитанным эффектом воздействия на массовое сознание, используются для сокрытия правды, например скандалов, для контроля над общественным мнением, в тех случаях когда обсуждаются темы и события общественного значения. Эвфемизмы становятся частью речи политиков во всех странах, и СМИ охотно воспроизводят эти паттерны манипуляции. Типичные черты политических эвфемизмов следующие: удаленность названия от обозначаемого, расширение значения, связь с реальной

ситуацией, мотивированность, наличие ценностных доминант, создание новых мифологем, создание оппозиции «свой — чужой» (посредством дисфемизмов), плакатность (лозунговость), мобилизация общественного мнения, компромисс между семантикой (обозначением сущности денотата) и прагматикой (отражением интересов говорящего) и др. [Кипрская 2005].

Посредники в политической коммуникации — журналисты. Журналисты выступают в качестве посредников в коммуникации между политическими деятелями и аудиторией, интерпретаторами событий, конфликтов. Наиболее важной в этом процессе коммуникации является замена одного слова другим при обозначении понятий. Иногда выбор нейтральной номинации невозможен, так как при представлении международного конфликта каждая из сторон передает собственные действия и действия противника посредством нужных ей номинаций. В медиа ведется борьба противоборствующих сторон: необходимо заставить людей мыслить в системе их понятий, верований и ценностей, чтобы оправдать себя и свои действия и очернить политического противника и его действия. Эта стратегия отмечена польскими, российскими, американскими исследователями политической и медиакommunikаций.

На основе процессуальной модели коммуникации во время конфликтов, предложенной Д. Херадштейтом и Т. Бьоргу [Херадштейт, Бьоргу 2009: 108], предлагается прецизионную модель, отражающую участие медиа в политических конфликтах (рис.).

Рис. Модель роли медиа в отражении политических конфликтов (автор А. Ефимова)

Как видно на рисунке, к средствам массовой информации направлены сообщения, содержащие различные номинации для одних и тех же референтов. Выбор наименований зависит от медиа и создает определенную картину события, конфликта, которая передается аудитории. Согласно Д. Херадштейту и Т. Бьоргу, «не существует большого основания предполагать, что журналисты сознательно пробуют манипулировать публикой посредством выбора понятий при отражении одного конфликта» [Херадштейт, Бьоргу 2009: 109]. Их задача состоит в сбалансированном и достоверном представлении конфликта. В попытке найти нейтральные номинации СМИ иногда используют слова, которые кажутся нейтральными, но отражают оценку или интерпретацию конфликтной ситуации (см. примеры использования причастий *завоеванных* и *контролируемых*, существительных *террорист* и *солдат*) [Херадштейт, Бьоргу 2009: 109–110].

С точки зрения роли журналистов в отражении конфликтов исключительно показателен пример, который предлагают Д. Херадштейт и Т. Бьоргу (табл.).

Из израильских листовок, разбросанных над Бейрутом	Сообщение в новостях Норвежского национального телевидения
<i>Израильские оборонительные войска продолжают свою борьбу против терроризма, но они не хотят, чтобы мирное население и те, которые не ведут войну против [Израиля], пострадали...</i>	<i>В этих листовках мирное население агитируют бежать и подчеркивается, что война против палестинцев еще не кончилась.</i>

Выбирая нужные слова, журналисты могут радикально менять смысл сообщения. *Война* — симпатия к одной стороне конфликта и создание напряженности с помощью данного наименования. *Борьба с терроризмом* — акцент на оборонительном характере военных действий и негативной оценке действий противника, которые квалифицируются как террористические (см. табл.). В зависимости от речевых предпочтений СМИ создают картину мира, которая может изменить общественное мнение о происходящих событиях. Они могут ориентироваться на определенный тип политического дискурса и таким образом формировать характер мышления и понимания события.

Для журналистов, которые ежедневно должны выбирать, следует ли воспроизводить подлинную политическую речь или же соблюдать этические журналистские нормы и искать истину в постистинном обществе, это серьезная проблема.

2. Популистская риторика. При выборе терминологического словосочетания для обозначения другого политического стиля я остановилась на понятии «популистская риторика», несмотря на то что содержание этого термина может толковаться через призму понятия «популизм» в политических науках. Термином «популистская риторика» обозначается не характер содержания сообщения, а его речевой облик: отбираются такие слова и словосочетания, которые известны большей части аудитории, имеют точное значение и высокую частоту использования в повседневной речи, что делает сообщение доступным для большинства людей.

Основная цель популистского говорения — сократить дистанцию между политиком и избирателем, политик должен быть понятным, внушать доверие и создавать впечатление, что он человек из народа. В популистской риторике особенно сильна стратегия, направленная на подрыв доверия к политическому классу и общественным институтам, стратегия на обесценивание общественных ценностей.

Основные особенности популистской риторики:

- вторжение жаргонной и диалектной лексики (*офейка* — *взбитым*; *гатАнки* — *загадки*; *три папи са ме галИли* — *у меня три папы* и др.);
- присутствие эксплицитной оценки, выраженной семантическими и грамматическими способами (*мърляв* — *грязный*; *слъбичък* — *тощий* и др.);
- нарушение политкорректности речи (*една стара жена* — *старуха*; *цигански вот* — *цыганское голосование*);
- асимметрия в общении с властью (*аз дадох три милиона* — *я дал три милиона*; *колко пари ви дадох* — *сколько денег я дал вам*);
- принижение соперника на основе использования деминутивов (*момченце* — *мальчик*; *бабички* — *бабульки*) или метонимии (*нима ще продадете гласа си срещу бензин, кебанче и хапче* — *Будете ли вы голосовать против*);

бензина, кебанче, таблеток (слова лидера политической партии «Воля» Веселина Марешки, хозяина бензоколонок, аптек и очень богатого человека); *болни прасета — больные свиньи*);

- отсутствие риторической гибкости, поддержание неформальных регистров и укороченной дистанции с общественностью (*приятелю — мой друг; братья и сестры — братья и сестры; народе — народ*) или использование сокращенных имен (Цецо — имеется в виду Цветана Цветанова; Лили — имеется в виду Лиляна Павлова; и др.);
- неологизмы (*зомбация — стать зомби; ваканцуване — отпуск* и др.);
- непристойные слова и выражения.

Часть популистского дискурса — возрождающийся националистический дискурс (явление, отмеченное еще в 2000 г. Орлином Спасовым в языке медиа первых лет Перехода [Спасов 2000: 56–65]). Его основные характеристики:

- призывы к свободе;
- возрождение евангельских и национально-освободительных мотивов;
- патриотическая и лжепатриотическая риторика;
- слова ненависти как элементы манипулятивного, намеренно провоцирующего речевого поведения (*Ще предложим мъж или жена, но със сигурност няма да е гей — Предложим мужчину или женщину, но точно не гея*).

Результаты исследования. Рассмотренные стили имеют разное отношение к литературной норме, специализированной лексике, разговорному языку и ситуационной смене риторических стратегий. Построенные на основе постоянных языковых инструментов, сообщения в этих стилях легко узнаваемы и поэтому менее подвержены манипулированию со стороны журналистов. Это видно и в моей модели, говорящей о роли медиа в отражении политических конфликтов, о роли средств массовой информации в конфликтной связке «политики — граждане». Средства массовой информации могут точно отражать точки зрения политических акторов, используя их стиль речи, разоблачая при этом манипулятивные приемы или, наоборот, способствуя манипуляции.

Выводы. На конкуренции между рассмотренными стилями политического говорения зиждется хрупкое равновесие в политическом пространстве. Данные стили являются серьезным вызовом журналистам, которые ежедневно должны делать выбор — ориентироваться ли на аутентичную политическую речь или соблюдать этические журналистские стандарты и искать правду.

Литература

- Архангельская, А. (2011). *Сексизм в языке: мифы и реальность*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Бушуева, Т. (2005). *Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск. URL: <http://www.dissercat.com/content/pragmaticheskii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>.
- Ванюшина, Н. (2011). *Семантическая и прагматическая характеристика эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. Электронный ресурс <http://www.dissercat.com/content/semanticheskaya-i-pragmaticheskaya-kharakteristiki-evfemizmov-v-sovremennykh-nemetskikh-i-ro>.

- Велева, М. (1005). За несъщиската разговорност на вестникарските заглавия. *Съпоставително езикознание*, 1 (1), 47–55.
- Глиос, Е. (2007). *Лингвокултурна специфика формирования и функционираня на евфемизмов в современном английском языке: на материале англоязычных интернет-сайтов*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород. Электронный ресурс <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnaya-spetsifika-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl>.
- Знеполски, И. (1997). *Новата преса и преходът. Трудното конституиране на четвъртата власт*. София: Дружество «Гражданин».
- Кипрская, Е. (2005). *Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003–2004 г.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров. Электронный ресурс <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-kamuflirovaniya-deistvitelnosti-v-smi-na-primere-konfli>.
- Ницолова, Р. (1999). Основни тенденции в развитието на българския печат след 1989 г. *Медиите и езикът*, 114–121.
- Политическата коректност vs. езика на омразата в полската медийна среда: интервю Андреаны Ефтимовой с Войчехом Кайтохом. (2015). Электронный ресурс <http://www.newmedia21.eu/kritika/politicheskata-korektnost-vs-ezika-na-omrazata-v-polskata-medijna-sreda/>.
- Руменчев, В. (2015). Политиците — лъжливи овчарчета, обикновено ги изяждат «вълците». Электронный ресурс http://klasa.bg/news/Read/article/247874_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%84.%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%BE+%D0%A0%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%B2%3A+%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5+-+%D0%BB%D1%8A%D0%B6%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B8+%D0%BE%D0%B2%D1%87%D0%B0%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B0,%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BE+%D0%B3%D0%B8+%D0%B8%D0%B7%D1%8F%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D1%82+%22%D0%B2%D1%8A%D0%BB%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5%22.
- Спасов, О. (2000). *Преходът и медиите. Политики на репрезентация (България 1989–2000)*. София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски».
- Том, Ф. (1992). Казивният език. *Съвременник*, 1. 290–305.
- Херадстейт, Д., Бьоргу, Т. (2009). *Политическата комуникация: въведение в семиотиката и реториката*. София: СемаРП.
- Greenblatt, S.J. (1974). Orwell as Satirist. *George Orwell: A Collection of Critical Essays*, ed. R. Williams, E. Cliffs, 106–118.
- Karam, S. (2011). Truths and euphemisms: How euphemisms are used in the political arena. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies?* 17(1), 5–17.
- Lutz, W. (1989). *Doublespeak*. New York: Harper & Row.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2018 г.;
рекомендована в печать 28 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Ефимова Андреана Борисовна — д-р наук по общественным коммуникациям и информационным наукам, доц.; aefimova1971@abv.bg

Two registers of actual political speech in modern Bulgarian media discourse

A. Eftimova

Sofia University “St. Kliment Ohridski”,
49, ul. Moskovska, Sofia, 1000, Bulgaria

For citation: Eftimova, A. (2018). Two registers of actual political speech in modern Bulgarian media discourse. *Media Linguistics*, 5 (2), 233–243. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.207> (In Russian)

Media speech reflects most vividly problems in the functioning of language and ongoing processes in speech practice. That is why in its mirror we often examine the speech of politicians which is directly related to the main trends in speech practice — intellectualization and democratization of speech. To designate the two styles of political discourse, the article introduces two terminological phrases — Brussels newpeak and populist rhetoric. The Brussels newpeak — one of the styles in today's Bulgarian political communication — is in accordance with the process of intellectualization. A vivid expression of the process of democratization of speech is populist political discourse. The main characteristics of these styles are given. The competition between the two styles of political talk is based on a delicate balance in the political space. In the media field, there is a struggle between the participants in the conflict to make public think in the coordinate system of their concepts, understandings and values. These styles polarize and weaken public attitudes towards the verbal and non-verbal behavior of political actors and they are a serious challenge for journalists who must daily make choices as to whether to reflect an authentic political speech or abide by ethical journalistic standards and seek the truth.

Keywords: wooden language, populism, political speech, media speech.

References

- Arhangel'skaia, A. (2011). *Seksizm v iazyke: mify i real'nost'* [Sexism in language: myth and reality]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. (In Russian)
- Bushueva, T. (2005). *Pragmatischekii aspekt evfemizmov i disfemizmov v sovremennom angliiskom iazyke* [Pragmatic aspect of euphemisms and disfemisms in contemporary English language]. PhD thesis. Smolensk. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/pragmatischekii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-azyke>. (In Russian)
- Eftimova, A., Kajtoh, V. (2015). Politicheskata korektnost vs. ezika na omrazata v polskata mediina sreda [Political correctness vs hate language in Polish media area]. *Newmedia21.eu*. Retrieved from <http://www.newmedia21.eu/kritika/politicheskata-korektnost-vs-ezika-na-omrazata-v-polskata-mediina-sreda/>. (In Bulgarian)
- Glios, E. (2007). *Lingvokulturnaia spetsifika formirovaniia i funktsionirovaniia evfemizmov v sovremennom angliiskom iazyke: na materiale angliazychnykh internet saitov* [Lingual and cultural specificity of formation and functioning euphemisms in contemporary English: on materials from English Internet sites]. PhD thesis. Belgorod. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnaya-spetsifika-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl>. (In Russian)
- Greenblatt, S. J. (1974). Orwell as Satirist. *George Orwell: A Collection of Critical Essays*, 106–118.
- Heradstvejt, D., Bjorgu, T. (2009). *Politicheska komunikacija: vavedenie v semiotikata i retorikata* [Political communication: introduction in semiotics and rhetoric]. Sofia: SemaRSH. (In Bulgarian)
- Karam, S. (2011). Truths and euphemisms: How euphemisms are used in the political arena. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 17 (1), 5–17.
- Kiprskaja, E. (2005). *Politicheskie evfemizmy kak sredstvo kamuflirovaniia deistvitel'nosti v SMI: na primere konflikt v Irake 2003–2004* [Political euphemisms as a mean undercover reality in media: on conflict in Iraq 2003–2004]. PhD thesis. Kirov. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-kamuflirovaniya-deistvitel'nosti-v-smi-na-primere-konfli>. (In Russian)
- Lutz, W. (1989). *Doublespeak*. New York: Harper & Row.
- Nicolova, R. (1999). Osnovni tendencii v razvitiето na balgarskija pechat sled 1989 [The main trends in Bulgarian press development after 1989]. *Mediite i ezikat*, 114–121. (In Bulgarian)
- Rumenchev, V. Politicite — lazhlivi ovcharcheta, obiknoveno gi izjazhdат "valcite" [Politicians — false shepherds, usually wolves devour them]. *Klassa.bg*. 04.01.2015. Retrieved from http://klasa.bg/news/Read/article/247874_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%84+%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%BE+%D0%A0%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%B2%3A+%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5++%D0%BB%D1%8A%D0%B6%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B8+%D0%BE%D0%B2%D1%87%D0%B0%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B0,+%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BE+%D0%B3%D0%B8+%D0%B8%D0%B7%D1%8F%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D1%82+%22%D0%B2%D1%8A%D0%BB%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5%22. (In Bulgarian)

- Spasov, O. (2000). *Prehodat i mediite. Politiki na reprezentacija (Balgarija 1989–2000)* [*The transition and media. Policy of representation (Bulgaria 1989–2000)*]. Sofia: Univ. Press “Sv. Kliment Orkhidski”. (In Bulgarian)
- Tom, F. (1992). Kazionnijat ezik [Bureaucratic language]. *Savremennik* [*The Contemporary*], 1, 290–305. (In Bulgarian)
- Vaniushina, N. (2011). *Semanticheskaia i pragmaticheskaia harakteristika evfemizmov v sovremennykh nemetskikh i rosiiskikh SMI* [*Semantic and pragmatic characterization of euphemisms in contemporary German and Russian media*]. PhD thesis. Volgograd. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/semanticheskaya-i-pragmaticheskaya-kharakteristiki-evfemizmov-v-sovremennykh-nemetskikh-i-ro>. (In Russian)
- Veleva, M. (1995). Za nesashtinskata razgovornost na vestnikarskite zaglavija [For unreal conversation character of newspaper titles]. *Sapostavitelno ezikoznanie* [*Contrastive Linguistics*], 1, 47–55. (In Bulgarian)
- Znepolski, I. (1997). *Novata presa i prehodat. Trudnoto konstituirane na chetvartata vlast* [*The new press and the transition. The hard constitution of forth authority*]. Sofia: Druzhestvo “Grazhdanin”. (In Bulgarian)

Received: February 2, 2018

Accepted: February 28, 2018

Author's information:

Andreana B. Eftimova — DSc, Associate Professor; aefimova1971@abv.bg